

Управление по делам архивов администрации
Тюменской области

Государственный архив Тюменской области
Тобольский филиал государственного архива

**ТОБОЛЬСКИЙ АРХИВ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
ТЮМЕНСКОГО КРАЯ**

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 75-ЛЕТИЮ ТОБОЛЬСКОГО АРХИВА

НОЯБРЬ 1994 г.

ТОБОЛЬСК
1994 г.

ТОБОЛЬСКИЙ КОМИТЕТ СЕВЕРА: ЖАРКОЕ ЛЕТО 1926 г.

Фонд № 690 ТФ ГАТО содержит документы, отражающие первые шаги деятельности Тобольского окружного Комитета содействия народностям северных окраин. В то время (осень 1925 года) в состав Комитета входили: Ксенофонт Георгиевич Желтовский—председатель (впоследствии председатель окрплана, зам. председателя окрисполкома), Павел Ильич Сосунов — заместитель председателя (с лета 1926 г. председатель Комитета), Михаил Панфилович Поспелов—секретарь, Василий Михайлович Новицкий—член-консультант (от Сбщества изучения местного края, зав. промышленно-экономическим отделом музея), Василий Владимирович Васильев—специалист по охотничьему промыслу. Комитет только начинал свою деятельность, был полон надежд и планов.

С первых дней создания Комитет стал координационным центром и пересалочной базой многих научных экспедиций, пахлынувших на Обской Север в середине 20-х годов. В одно время с ним делала первые шаги нарождавшаяся, представленная молодыми дерзкими исследователями, советская североведческая наука. В мае по сложному маршруту от Сургута до Обдорска через земли хантов и ненцев отправилась в путь ассистент кафедры соматической антропологии Ленинградского университета Раиса Павловна Митусова (впоследствии одна из лучших специалистов по лесным ненцам).

1 июня Комитет заслушал сообщение о выезде в экспедицию к манси Конды и Сосьвы студента-этнографа Ленинградского университета Валерия Николаевича Чернецова (будущего знаменитого этнографа и археолога) и постановил: «Признать желательным приезд Чернецова В. Н. как работавшего среди вогулов для исследовательских работ в районе рр. Конды и Сосьвы сроком минимум на 2 мес.».

19 июня Председатель Комитета П. И. Сосунов подписал поручение, адресованное выезжающему в тундру сотруднику Ямальского врачебно-санитарного отряда Владимиру Петровичу Евладову (через два года он возглавил выдающуюся по своим результатам Ямальскую экспедицию Уралоблзу): «Прилагая при этом программу обследования Обдорского района Тобокруга в части Ямальского и Гыданского полуостровов и территорий, прилегающих к бассейну р. Таза и его Губы, Тобольский окрисполком и Комитет Севера во время следования Вышнего отряда предлага-

ет) заняться обследованием кочевого самоедского населения по указанным в программе вопросам и прежде всего по вопросам «экономики».

7 июня в адрес Тобольского Комитета Севера было направлено письмо, подписанное зам. председателя Ленинградского филиального отделения Комитета Севера В. Г. Богоразом: «Посылаем в Ваше распоряжение студентку этнографического отделения географического факультета ЛГУ тов. Котовщикову Наталью Александровну. Тов. Котовщикова командирована Комиссией студенческих этнографических экскурсий на летнюю этнографическую практику для работы среди туземцев Тобольского округа. По решению Тобольского Комитета Н. А. Котовщикова была прикомандирована к Ямальскому врачебно-санитарному отряду и отправлена на Ямал (два года спустя Н. А. Котовщикова, будучи руководителем Североямальской экспедиции Академии Наук, трагически погибла на мысу Хаэн-сале).¹

В числе собственных замыслов сотрудников Тобольского Комитета Севера самой яркой была идея организации Казым-Надымской (Казым-Надым-Дельтовой) экспедиции. Еще 23 ноября 1925 г. на заседании Комитета выступил П. И. Сосунов с докладом о необходимости приступить к разработке плана экспедиции. В постановлении по докладу отмечалось:

«1) Просить Общество Изучения Местного Края прислать Комитету Севера разработанный обществом план работ Казым-Надымской экспедиции для просмотра и внесения в него Комитетом дополнительных корректив...

3) Просить Комсверопути ускорить разрешение вопроса о безотлагательном ассигновании Тобольскому Комитету Севера 2000 рублей на снаряжение Казым-Надымской экспедиции».²

В разработанной Обществом (В. М. Новицкий) программе приводились данные о проходивших прежде исследованиях в бассейне реки Надым: «Летом 1876 г. был в низовьях (Надыма) Н. С. Поляков, зимой 1894 г. проездом из низовий в верховья — Н. К. Хондажевский, зимой 1894 г. в низовьях — проф. Якобий, в 1900 г. с Казыма до оз. Нум-То — А. А. Дунин-Горкавич, летом 1914 г. — экскурсия студентов в устье Надыма, в 1916 г. на 150 верст от устья вверх поднялась экспедиция Тобольского Губернского музея». Основной задачей экспедиции определялось: изучение возможности колонизации казымцами р. Надыма для целей культурного воздействия на кочевников-оленеводов.³

Столь смелые идеи социальных экспериментов в то время были «злостью дня». Согласно программы экспедиции, «полуседлое туземное население Тобсевера в массе вымирает, апатично к про-

грессу, вяло по натуре, не ищет новых путей к устройению жизни, не стойко в борьбе за существование...

...Но среди этой массы полуседлого населения резко выделяется своей стойкостью в борьбе за существование, своими колонизаторскими способностями, своей подвижной левялою натурою, поиском новых путей к устройению жизни, своими художественными задатками, здоровым духом и телом — это туземцы-казымцы (по р. Казыму), единственная, по Якобию, не вымирающая в пределах Тобокруга туземная группа (исключая оленеводов-самоедов), не испорченная капиталистической «культурою» (поскольку они находились от нее в стороне), группа достаточно экономически мощная, по роду занятий совмещающая все три формы туземного хозяйства — рыболовство, охоту и оленеводство (лесное). Эта группа не сидит неподвижно в своем Казыме, а ее представители разъезжают чуть ли не по всему туземному Тоб. Северу: их можно встретить в Самарове, Малом Атлыме, Кондинске, Березове, Сургуте и даже Обдорске (занимаются сплавом леса с Казыма в Обдорск).

Вот почему местный Комитет, ставя пред собою задачу, грубо выражаясь с точки зрения естествознания, приступить к «улучшению туземной породы», должен остановить свое исключительное внимание на туземцах-казымцах как на группе наиболее жизнеспособной и не денационализированной. А через казымцев — к оздоровлению духа и тела и к прогрессу культуры всего полуседлого (и даже кочевого) туземного населения Тоб. Севера».⁴

Исследования намечалось провести весной — летом 1926 г. В состав экспедиции были включены уполномоченный Комитета Севера В. М. Новицкий и член Общества изучения Тобольского Севера П. И. Лопарев. Работа научно-исследовательского и санитарного отряда на территории Казымского тузсовета продолжалась в течение всего лета. В августе В. М. Новицкий представил Президиуму округа и Комитету Севера предварительный отчет. В нем уже нет и следа первоначального «колонизаторского» прожектерства, однако содержится целый ряд точных исследовательских наблюдений и остроумных практических замечаний. Откровенно состояния вновь образованных «культурно-организационных учреждений» Новицкий отмечал:

«Необходимость усиления культурными работниками Казым-тузсовета очевидна, так как туземное население на 100% неграмотно и малокультурно, и крайняя бедность культурработниками тузсовета является основным недочетом его. Между прочим совет полноватского попа среди тузаселения чрезвычайно большой... Школа — за отсутствием интерната — обслуживает только русское население с. Полновата. Туземцы пойдут в школу, но нужен интернат и учитель, знающий язык.

...Изда-читальня работает главным образом для русского населения, туземцы из-за неграмотности работой ее мало интересуются, и связь издателя с туземцами выражается в писании им заявлений в кооперацию, ККОВ, суд и т. д. Правда, во время писания заявлений издатель, сколько мог, вел беседы о значении грамотности, школы и т. д. Туземцу нужны не столько книги и газеты, сколько плакаты, а таковыми изда-читальня обеспечена средне, книгами северного уклада—очень плохо.

...Фельдшерского пункта нет, и медпомощь никто не оказывает. Один раз в году на один месяц по вызову тузсовета ввиду слухов с Казыма об эпидемии оспы выезжал из Березова фельдшер, установил, что не оспа, а корь, оказал небольшую медпомощь населению и вернулся обратно. Такие гастроли раз в год не имеют значения. Тяга туземного населения к научной медпомощи имеется (к фельдшеру [экспедиционного] отряда являлось каждый раз от 60 до 80% казымского мужского населения)... Врачебно-санитарная работа, кроме случайного выезда фельдшера из Березова, отсутствует, и население предоставлено в смысле врачевания своему шаману, домашним божкам или «русскому богу» через полноватского попа. Нужно просто сказать, что до тех пор будет высокоавторитетен для туземцев полноватский поп, и никакие репрессии по отношению к попу делу не помогут, как и словесная агитация, пока для тузнаселения Севера не будет создан медпункт с часто разъезжающим по району медработником».

О положении в сфере экономики и кооперативного строительства Новицкий писал:

«Кооперации самостоятельной нет (возможность к тому имеется), а работают два отделения Березовского п/о «Экономия» в Полновате и Ванзевате. Работа их слаба. ...Отношение населения к освобождению от налогов—«хорошо, что нас освободили, но как бы из-за этого чего-нибудь нас не лишили». Еще: «Пусть берут с нас налоги, но пусть не берут с нас арендной платы за рыбоугодья». Последнюю мысль, конечно, следует считать несурзапой, на первый взгляд, т. к. за рыбоугодья аренда на душу в среднем 1 р. 50 к.—2 р., а налог выразится далеко больше, но тут сказывается такого рода мнение, что «почему с нас не берут налог, разве [мы] хуже других? Государству нужны деньги, и мы должны их платить», а вот арендовать угодья, которые мы когда-то сами сдавали в аренду, немного обидно». Общее мнение: если налог будет, то пусть будет только один раз (пусть сложат все в кучу, да сразу и скажут, как раньше было с ясаком). ...Туземец-рыбак платит арендную плату, пушняка [охотник-промыс-

ловик] ничего не платит... Ножицы [цен] для рыбака разошлись «шире некуда», тогда как для пушняка они близки к довоенным или даже лучше довоенных.

Степень обеспеченности населения промысловым инвентарем крайне слаба (напр. 3—4 сетки, тогда как нормально нужно 10—12 шт.). Вопрос этот усугубляется еще отсутствием кредитования, хотя бы даже только мережей, солью и кожей промышленника-рыбака. Своих же средств у рыбака не имеется, чтобы за наличный расчет купить привозный промысловый инвентарь, т. к. он стоит во много раз дороже охотничьих припасов. Получается заколдованный круг—почти [полное] отсутствие рыбматериалов в кооперации и отказ в сезонном рыбкредите ставит туземца-рыбака в безвыходное положение—сидеть сложа руки или промышленлять первобытным тузорудием «посом»; в то же время кооперация «видя спасение в нажиме на сбор задолженности» (приказ «Экономии» № 913 от 20 июля 1926 г.) не может таковой сбор задолженности произвести, т. к. у туземца подчас нечего описать. Отношение тузнаселения к существующей кооперации—озлобленное».

Оказавшись свидетелем первых попыток организации новых форм туземного самоуправления, Новицкий отметил:

«Рабочую тройку тузсовета составляет президиум в составе: председатель—т. Ерн-ху (от юрт Амнинских на р. Казыме), зам. пред. т. Миляхов (юрты Чуильские на Оби), т. Вагатов (юрты Ильбигорские на р. Казым)... [Кандидатов в президиум тузсовета] казымцы наметили сами еще на своем съезде (торговом) в Юильском городке, которые и были единогласно приняты съездом...

Тройка постоянно не работает, т. к., во-первых, оплачивается только один работник (должность председателя), во-вторых, в силу новизны постановки управления—жить в Полновате для туземца, привыкшего к безлюдным урманам, оленному стаду и вообще к природе, пока тяжело, и на жизнь свою в Полновате он частично смотрит как на ссылку. Кроме того, учитывая, что с выездом члена президиума в Полноват хозяйство его лишается дельного работника—все это тянет каждого из членов тройки в урман в родные юрты... В силу этих причин тройка редко бывает вся вместе и как порядок заведено очередное месячное дежурство одного члена президиума, а остальные живут при своем хозяйстве. ...Будучи один из тройки, туземец перешителен и боится взять на себя ответственность за разрешение в той или иной плоскости ряда важных и даже маловажных тузсоветских вопросов, голос же секретаря [русского—Е. М. Шилова] только совещательный... Основную пружину, двигателем работы тузсовета в

первые годы... является секретарь тузсовета. Это должность не просто писака-канцеляриста, а прежде всего общественно-политического характера... Разъезды секретаря должны быть относительно часты, особенно в первые годы, пока не окрепнут куртовые управления... Шилову приходится буквально патаскивать президиум по всем вопросам. Быть же вершителем судеб тузсовета подобно старым писарям инородных управ т. Шилов, конечно, не может».³

В отчете обходится стороной первоначальный замысел колонизации казымцами территорий Надыма или каких-либо иных. Идея социокультурного эксперимента, как и следовало ожидать, в ходе конкретного исследования заместились реальными проблемами развития туземных территорий. У самих казымцев обнаружилось столько собственных трудностей, что рассуждения об их культуртрегерской миссии оказались неуместными. Кроме того, особые социокультурные «дарования» казымцев отнюдь не всегда были по нутру Советской власти. Василий Новицкий, как и другие исследователи-подвижники тех лет, явно или неявно осознавали отдаление перспективы «улучшения туземной породы» за счет казымцев и приближение февраля 1931 года—времени кровавого Казымского мятежа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ТФ ГАТО, ф. 690, оп. 1, д. 6, лл. 48, 57, 61, 63, 81, 84.
2. Там же, л. 1.
3. Там же, лл. 10—11.
4. Там же, лл. 7—8.
5. Там же, лл. 115—120

Л. Н. Ванчинская
г. Тобольск

ВОПРОСЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МАТЕРИАЛАХ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО ОКРУЖНОГО АРХИВА

В названном архиве отложились годовые статистические отчеты о состоянии школ и составе учащихся Ямало-Ненецкого округа, начиная с 1934 года, и докладные записки заведующего окружным отделом народного образования (окропо) в окружной комитет ВКП(б) по вопросам методики работы и руководства школ. Вышеупомянутые материалы находятся в фонде № 98.